

Annotation

- [Спрэг ДЕ КАМП](#)
 - [1. КРАСНЫЙ СНЕГ](#)
 - [2. ЧАША БОГОВ](#)
 - [3. ГОРОД ЧЕРЕПОВ](#)
 - [4. КРОВАВЫЙ КОРАБЛЬ](#)
 - [5. ПЛУТОВСКАЯ ЛУНА](#)
 - [6. ТОННЕЛИ СУДЬБЫ](#)
 - [7. ПРОБУЖДЕНИЕ ЗЕЛЕНОГО БОГА](#)
-

Спэр ДЕ КАМП

Лин КАРТЕР

ГОРОД ЧЕРЕПОВ

Конан остается на службе в туранской армии в течение двух лет. Он становится превосходным наездником и лучником. Он путешествует по огромным пустыням, по горам и джунглям Гиркании до самых границ Кхитая. Одно из таких путешествий приводит его в сказочное королевство Меру, сравнительно малоизвестную страну, которая соседствует с Вендией на юге, Гирканией на севере и западе и Кхитаем на востоке.

1. КРАСНЫЙ СНЕГ

Завывая словно волки, орда коренастых коричневых воинов хлынула на турецкие войска с подножий холмов. Это происходило в предгорьях Гор Талакма, где горы постепенно переходили в широкие пустые степи Гиркании. Нападение было совершено на закате. На западе горизонт был озарен багровыми знаменами, тогда как на юге невидимое солнце окрасило кровью снега горных вершин.

Пятнадцать дней эскортирующий отряд турецких воинов медленно продвигался через степь, переходя вброд ледяные воды реки Запороска, уходя все глубже и глубже в бескрайние просторы Востока. Затем, без всякого предупреждения, на них напали.

Конан подхватил тело Хормаза, когда лейтенант свалился с лошади. В горле его подрагивала стрела с черным оперением. Юный киммериец опустил тело на землю и, выкрикнув проклятие, выхватил из ножен свою кривую восточную саблю с широким лезвием. Вместе со своими товарищами он приготовился встретить атаку завывающей орды. Большую часть этого месяца он скакал верхом по пустынным гирканским равнинам в составе отряда. Монотонность давно уже утомила его, и теперь его дикая варварская душа приветствовала происшествие, которое могло развеять его скуку.

Его сабля встретила позолоченный ятаган переднего всадника с такой чудовищной силой, что оружие того сломалось у самой рукояти. Ухмыляясь, как тигр, Конан обратным взмахом сабли вспорол коротконогому воину живот. Вопя, словно обреченная душа на раскаленном полу Ада, его противник упал, корчась, на запятнанный кровью снег.

Конан проворно повернулся в седле, чтобы принять удар другого клинка на свой щит. Отбив удар врага, он вонзил острие сабли прямо в желтое лицо с раскосыми глазами, которое оскалилось на него. Лицо врага превратилось в пятно искромсанной плоти.

К этому мгновению атакующие уже все были среди них. Несколько дюжин маленьких темнокожих людей в фантастических, сложных доспехах из лакированной кожи, отделанных золотом, сверкающих драгоценностями, набросилась на них в демонической ярости. Звенели тетивы луков, ударялись пики, свистели и лязгали клинки.

Поверх голов атаковавших его противников Конан увидел своего друга Джуму, гиганта-негра из Куша, который сражался пешим. Его лошадь сразило стрелой в самом начале атаки. Кушит потерял свою меховую шапку, и золотое кольцо в одном его ухе отблескивало в слабом свете; однако пику он не потерял. С ее помощью он сбросил трех атакующих из седел, одного за другим.

Позади Джумы, во главе колонны воинов короля Йилдиза, вооруженных пикиами, командир отряда принц Ардашир громовым голосом выкрикивал команды, сидя верхом на могучем скакуне. Он разворачивал лошадь то в одну сторону, то в другую, чтобы постоянно быть между врагами и лошадьми, на которых находились конные носилки. В носилках была дочь Йилдиза, Зосара. Отряд эскортировал принцессу, которая направлялась на свадьбу с Куджалой, Великим Ханом кочевников-куйгаров.

Внезапно принц Ардашир схватился за грудь под меховым плащом. Словно вызванная магией, черная стрела вдруг выросла из-под его украшенного драгоценностями воротника. Принц уставился на древко; затем, словно окаменевшая статуя, он рухнул с лошади, и его остроконечный инкрустированный самоцветами шлем упал на покрасневший от крови снег.

После этого Конан был слишком занят, чтобы замечать что-либо кроме врагов, которые с воем набросились на него со всех сторон. Киммериец, хотя он только лишь перешагнул порог зрелости, возвышался ростом на шесть футов и несколько дюймов. Коренастые враги казались

карликами по сравнению с ним. Когда они окружили его вот так, завывая и рыча, они напоминали свору собак, которые пытаются одолеть царственного тигра.

Схватка происходила на склоне холма, перемещаясь то вверх, то вниз, как опавшие листья, гонимые осенним ветром. Лошади становились на дыбы, шарагались назад и дико ржали; люди выли, кричали и изрыгали проклятия. Тут и там лишенные лошадей воины продолжали битву пешими. Тела людей и лошадей лежали в истоптанном снегу и в грязи.

Конан, глаза которого застилала красная пелена ярости, вращал саблей в бешенстве берсерка. Он бы предпочел прямой широкий клинок Запада, к которому он больше привык. Тем не менее в первые же минуты битвы он произвел кровавое опустошение, действуя непривычным оружием. В его стремительной руке блестящий стальной клинок ткал вокруг него сверкающую паутину смерти. В эту паутину угодило не меньше девяти малорослых воинов в доспехах из лакированной кожи, и все они с отрубленными головами или изрубленными телами попадали со своих косматых лошадок. Сражаясь, крепкий юный киммериец издавал дикий военный клич своего примитивного народа; но вскоре он обнаружил, что должен беречь дыхание, ибо битва не затихала, а разгоралась.

Всего семь месяцев назад Конан был единственным, кто выжил в несчастливой карательной экспедиции, которую король Йилдиз направил против мятежного сатрапа северного Турана, Манхассем Хана. При помощи черной магии сатрап уничтожил посланные против него силы. Он истребил всю вражескую армию от высокородного генерала Бакры из Акифа до последнего наемника-пехотинца. По крайней мере, так он считал. Но юный Конан выжил — единственный из всех. Он проник в город Яралет, который стенал под пятой обезумевшего от магии тирана, и принес Манхассем Хану чудовищную судьбу.

Возвратившись с триумфом в сверкающую туранскую столицу Аграпур, Конан получил в награду место в почетной гвардии. Сначала ему приходилось сносить насмешки товарищей по поводу его неумелого обращения с лошадьми и неуверенности в стрельбе из лука. Но насмешки скоро прекратились, так как гвардейцы усвоили, что лучше не раздражать Конана с его кулаками, подобными кузнецким молотам. А затем и его навыки всадника и лучника улучшились, когда он набрался опыта.

Теперь Конан начал задумываться, можно ли считать эту экспедицию наградой. Легкий кожаный щит на его левой руке превратился в бесформенную развалину, и киммериец отбросил его прочь. В этот миг в круп его лошади попала стрела. С диким ржанием животное опустило голову и взбрекнуло. Конан вылетел из седла поверх головы лошади; она бросилась прочь и исчезла.

Оглушенный и основательно ударившись, киммериец с трудом поднялся на ноги и принялся сражаться пешим. Ятаганы врагов сорвали с него плащ, проделали дыры в его кольчуге и рассекли кожаную куртку под ней, так что кровь текла из дюжины поверхностных ран на теле Конана.

Но он продолжал сражаться, оскалив зубы в безрадостной ухмылке. Глаза его горели голубым блеском на разгоряченном, исполненном чувств лице, обрамленном подстриженной черной гривой. Один за другим его товарищи падали под ударами ятаганов, пока только он и гигант-негр Джума не остались стоять спина к спине. Кушит завывал без слов, орудуя древком своей сломанной пики, как палицей.

Затем Конану показалось, что огромный молот вынырнул из красного тумана ярости берсерка, окутывавшей его мозг. Это тяжелая булава обрушилась на его голову, сминая остроконечный шлем и вбивая металл ему в висок. Ноги Конана подкосились. Последнее, что он слышал, был резкий, отчаянный крик принцессы, когда ухмыляющиеся коренастые воины вытащили ее из занавешенного паланкина — вниз, на красный снег, покрывавший холм. Затем

киммериец упал лицом вниз и больше не чувствовал ничего.

2. ЧАША БОГОВ

Тысяча красных дьяволов били по черепу Конана раскаленными докрасна молотами, и его череп гудел, как наковальня, от каждого удара. Медленно выбирайся из глубин черного беспчувствия, Конан обнаружил себя переброшенным через могучее плечо своего товарища Джумы. Джума ухмыльнулся, видя, что Конан пришел в себя, и помог ему встать. Хотя голова его болела невыносимо, Конан выяснил, что у него достаточно сил, чтобы стоять на ногах. Он осмотрелся вокруг, желая знать, что происходит.

В живых остались только он, Джума и принцесса Зосара. Остальные участники экспедиции — в том числе прислужница Зосары, сраженная стрелой,

— остались лежать пищей для тощих серых волков гирканских степей. Трое уцелевших стояли на северном склоне Гор Талакма, в нескольких милях к югу от места, где произошла битва. Их окружали коренастые коричневые воины в доспехах из лакированной кожи, многие с перевязанными ранами. Конан обнаружил, что его руки скованы прочными наручниками, браслеты которых соединяет массивная железная цепь. Принцесса, одетая в шелковый плащ и шаровары, тоже была в оковах, но ее цепи и наручники были гораздо легче и казались сделанными из чистого серебра.

Был закован в цепи и Джума, и на нем взявшие их в плен воины сосредоточили большую часть своего внимания. Они столпились вокруг кушита, трогая его кожу и затем глядя на свои пальцы, не окрасились ли они в черный цвет. Один из них даже намочил кусок ткани в снегу и потер его о руку Джумы. Джума рассмеялся во весь рот.

— Должно быть, они никогда не видели таких, как я, — сказал он Конану.

Офицер, командующий победителями, бросил команду. Его люди вскочили в седла. Принцессу упрятали обратно в ее конные носилки. Конану и Джуме офицер сказал на ломаном гирканском:

— Вы два! Вы идти.

И им действительно пришлось идти, а копья азуэри, как называли себя захватившие их в плен люди, все время подгоняли их, покалывая между лопатками. Конные носилки принцессы покачивались меж двух лошадей в середине колонны. Конан заметил, что командир отряда азуэри обращался с Зосарой почтительно; непохоже было, чтобы ей причинили физический вред. Офицер также, по-видимому, не питал особой враждебности к Конану и Джуме за тот кровавый хаос, который они учинили среди его людей, за нанесенные ими раны и причиненные смерти.

— Вы дьявольски хорошие бойцы! — сказал он, ухмыльнувшись.

С другой стороны, он предпринял все возможные меры, чтобы не дать пленникам бежать или замедлить продвижение отряда. Их заставляли идти быстрым шагом с рассвета и дотемна, а каждая остановка наказывалась уколом пики. Конан выпятил подбородок и повиновался — пока.

Два дня они шли по извилистой тропе через самое сердце горного района. Они пересекали перевалы, где им приходилось идти по глубокому снегу, не растаявшему с прошлой зимы. Здесь дыхание было коротким из-за высоты, а внезапные бури срывали с них изодранные одежды и бросали жалящие частички снега и льда в их лица. Джума стучал зубами. Чернокожему было гораздо тяжелее переносить холод, чем Конану, для которого родным был северный климат.

Наконец они выбрались на южный склон Гор Талакма, и взорам их предстало фантастическое зрелище: широкая зеленая долина, которая сбегала вниз от их ног и простиралась вдаль. Как будто они стояли на краю огромной чаши. Под ними небольшие облака

ползли над лигами густых зеленых джунглей. В середине джунглей огромное озеро или внутреннее море отражало лазурь ясного, чистого неба.

Если не считать этого участка воды, зелень простиралась до самого горизонта, где она терялась в фиолетовой туманной дымке. А над этой дымкой четко вырисовывались на фоне синего неба белые иззубренные пики могучих гор Химелиан, которые находились в сотнях миль к югу. Горы Химелиан образовывали противоположный край чаши, которая, таким образом, замыкалась горами Талакма на севере, Химелиан на юге.

— Что это за долина? — обратился Конан к офицеру.

— Меру, — ответил предводитель отряда. — Люди называют ее Чаша Богов.

— Мы спускаемся туда вниз?

— Да. Наша цель — великий город Шамбала.

— И что дальше?

— Вашу участь решит римпоуч, бог-король.

— Кто он?

— Джалунг Тонгпа, Ужас Людей и Тень Неба. Теперь шевелись, белокожая собака. Нет времени на разговоры.

Конан издал глубокое горловое ворчание, когда острие пики подтолкнуло его. Про себя он поклялся научить однажды этого бога-короля истинному пониманию ужаса. Он раздумывал, является ли божественность этого правителя достаточной защитой от фуна стали в его внутренностях... Но если такой счастливый миг и предстоял, пока он был в будущем.

Они спускались вниз, в глубокую низину. Воздух становился теплее, растительность гуще. К концу дня они шли по местности, где участки леса перемежались болотами, над которыми поднимались испарения. Воздух был теплым и влажным. Джунгли подступали к дороге, окружали ее стеной темной зелени, в которой сверкали яркие цветы на цветущих деревьях. Кричали и пели птицы с разноцветным оперением. В деревьях болтали обезьяны. Жужжали и кусались насекомые. С дороги при приближении отряда ускользали змеи и ящерицы.

Это было первое знакомство Конана с тропическими джунглями, и они ему не понравились. Насекомые досаждали ему, и пот стекал с него ручьями. Джума, наоборот, ухмылялся, распрымляясь и набирая полную грудь воздуха в свои могучие легкие.

— Совсем как у меня на родине, — сказал он.

Конан лишился дара речи от благоговейного удивления при виде фантастического ландшафта — буйной зелени джунглей и дышащих испарениями болот. Он почти готов был поверить, что эта просторная долина Меру на самом деле представляет собой дом богов, где они обитают с начала времен. Он никогда не видел таких деревьев, как эти колоссальные сикоморы и секвойи, которые столбами уходили в туманные небеса. Он удивлялся, как эти тропические джунгли могут быть окружены горами, закованными в вечные снега.

Один раз гигантский тигр бесшумно вышел на дорогу перед ними — чудовище девяти футов длиной, с клыками как кинжалы. Принцесса Зосара, наблюдавшая из своих носилок, негромко вскрикнула. Среди азуэри произошло быстрое движение. Они застучали оружием, готовясь к драке. Тигр, очевидно посчитав отряд слишком сильным для этого, скользнул в джунгли столь же бесшумно, как и появился.

Через некоторое время земля затряслась от тяжелой поступи. С громким фырканьем огромное животное выбралось из чащи рододендронов и пересекло дорогу. Оно было серым и округлым, как валун в горах, и немного напоминало гигантскую свинью. Его толстая кожа собралась складками. Из его морды торчал вверх прочный кривой рог длиной в фут. Животное остановилось, тупо глядя на кавалькаду крошечными подслеповатыми свиными глазками. Затем, еще раз фыркнув, оно с шумом устремилось в кусты, ломая ветки.

— Носорог, — сказал Джума. — У нас в Күше такие водятся.

Джунгли расступились, и отряд вышел на берег огромного синего озера или внутреннего моря, которое Конан видел с гор. Некоторое время они шли вдоль берега этого неизвестного водоема, который азуэри называли Сумеру Тсо. Наконец, на другом берегу вдававшегося в сушу залива, они увидели стены, купола и шпили города из розово-красного камня, окруженного пастбищами и лугами и расположенного между морем и джунглями.

— Шамбала! — воскликнул предводитель азуэри. Как один человек, его воины спешались, опустились на колени и коснулись лбами земли. Конан и Джума обменялись недоуменными взглядами.

— Здесь обитают боги, — сказал командир отряда. — Вы, идите теперь быстрее. Если мы из-за вас опоздаем, с вас сдерут кожу живьем. Торопитесь!

3. ГОРОД ЧЕРЕПОВ

Ворота города были сработаны из бронзы, позеленевшей от времени. Они представляли собой гигантскую маску — рогатое подобие человеческого черепа. Квадратные забранные решетками окна служили его глазницами, а под ними подъемная решетка входа ухмылялась новоприбывшим, как зубы в лишенных плоти челюстях. Командир малорослых воинов протрубил в изогнутую бронзовую трубу, и решетка поднялась. Они вошли в незнакомый город.

Здесь все было вытесано и вырезано из розового и красного камня. Архитектура была вычурной, дома были украшены скульптурами и фризами, на которых изображались демоны, чудовища и многорукие боги. Гигантские лики из красного камня смотрели вниз со стен башен, которые ярус за ярусом закручивались спиралью в небо.

Куда бы он ни посмотрел, Конан видел украшения в виде вырезанных человеческих черепов. Они были установлены на перемычках дверей. Они свисали на золотых цепочках с желто-коричневых шей горожан, чьим единственным одеянием кроме этого, и у мужчин, и у женщин, были только короткие юбочки. Черепа были приклепаны спереди к бронзовым шлемам стражи у ворот, черепа были на шишках их щитов.

Отряд следовал своим путем по широким, тщательно распланированным улицам этого фантастического города. Полунагие мерувийцы уступали им дорогу, бросая мимолетные нелюбопытные взгляды на двух закованных в сталь пленников и конные носилки с принцессой. Среди толп горожан с обнаженной грудью двигались, словно кровавые тени, бритоголовые жрецы, закутанные от шеи до пят в объемистые одеяния из полупрозрачной красной ткани.

Окруженный рощами деревьев, усыпанных алыми, синими и золотыми цветами, возвышался каменной громадой дворец бога-короля. Он представлял собой единственный спиральный конус, покоящийся на приземистом круглом основании. Сделанная из красного камня круглая стена башни закручивалась вверх спиралью, как коническая морская раковина. На каждом камне спирального парапета было вырезано подобие человеческого черепа. Дворец был похож на гигантскую башню, сложенную из мертвых голов. Зосара с трудом подавила дрожь ужаса при виде этого зловещего украшения, и даже Конан скрчил угрюмую гримасу, выпятив подбородок.

Они вошли внутрь сквозь еще одни ворота-череп и проследовали через огромные комнаты с толстыми каменными стенами в тронный зал бога-короля. Азуэри, грязные с дороги, остались позади. Каждого из трех пленников взяли за руки по двое стражников в позолоте, вооруженных украшенными алебардами, и подвели к трону.

Трон, который находился на возвышении из черного мрамора, был сделан из цельного невероятных размеров куска бледного нефрита, покрытого резьбой в виде цепочек черепов, фантастически сплетенных и перевитых между собой. На этом зеленовато-белом кресле смерти восседал полубожественный монарх, чьей волей пленники были призваны в этот неведомый мир.

Несмотря на всю серьезность их положения, Конан не смог подавить ухмылку. Ибо римпоуч Джалунг Тонгпа был очень низкорослым и толстым человеком, коротенькие ножки которого едва доставали до пола. Его огромное брюхо было перетянуто парчовым кушаком, сверкающим самоцветами. На его голых руках, с которых свисала жирная плоть, была надета дюжина золотых браслетов, а кольца с драгоценными камнями блестели и сверкали на его толстых пальцах.

Лысая голова, которая венчала это бесформенное тело, была чрезвычайно уродлива — с обвисшими щеками, слюнявыми толстыми губами и искривившимися пожелтевшими зубами. На голове короля был остроконечный шлем или корона из чистого золота, сверкающая рубинами. Ее вес, казалось, пригибал к земле ее владельца.

Присмотревшись внимательнее к богу-королю, Конан увидел, что Джалунг Тонгпа крайне уродлив. Разные половины его лица были неодинаковы. Плоть на одной половине отстала от костей и вяло свисала, затянутый пленкой глаз таращился слепо, тогда как второй сверкал злобным умом.

Зрячий глаз римпоуча был сейчас устремлен на Зосару, не обращая внимания на двух гигантских воинов. Рядом с троном стоял высокий худой мужчина в алом одеянии мерувийского жреца. Из-под бритого лба холодные зеленые глаза глядели на все с ледяным презрением. Бог-король обернулся к нему и заговорил высоким визгливым голосом. Из тех нескольких мерувийских слов, которым Конан научился от азуэри, он сложил в уме достаточно, чтобы понять, что высокий жрец — главный королевский колдун, Великий Шаман Танзонг Тенгри.

Из обрывков последовавшего разговора Конан смог предположить, что при помощи своей магии шаман увидел отряд, эскортирующий принцессу Зосару к ее куйгарскому жениху, и показал принцессу богу-королю. Преисполнившись обычного человеческого вожделения к гибкой турецкой девушке, Джалунг Тонгпа направил отряд своих всадников-азуэри схватить ее и доставить в его сераль.

Это было все, что Конан хотел узнать. Семь дней, с тех пор, как его взяли в плен, его толкали, кололи пикой и скверно с ним обращались. Он истоптал все ноги, и его терпение было на пределе.

Два стражника по обе стороны от него стояли лицом к трону, почтительно опустив глаза и обратив все внимание на римпоucha, который мог в любой миг отдать приказание. Конан осторожно поднял цепи, которыми были скованы его запястья. Они были чересчур прочными, чтобы он мог порвать их; он пытался это сделать в первые дни плены и потерпел неудачу.

Он потихоньку сомкнул запястья, так что цепь образовала слабину длиной в фут. Затем, развернувшись, он взмахнул руками над головой левого стражника. Цепь взвилась кнутом, хлестнула стражника по лицу и отбросила его назад. Из его сломанного носа хлестала кровь.

В ответ на стремительное движение рук Конана второй стражник повернулся и занял боевую позицию с алебардой в руках. Конан захватил навершие алебарды цепью и выхватил оружие из рук стражника.

Удар цепью отбросил еще одного стражника назад. Тот покатился по полу, держась за разбитый окровавленный рот и выплевывая зубы. Ноги Конана были скованы так, что он не мог сделать большой шаг. Но он подпрыгнул с сомкнутыми ногами, как лягушка. В два таких странных прыжка Конан оказался на тронном возвышении, и его руки сомкнулись на толстой шее крохотного жирного бога-короля, болтающего ножками на своей куче черепов. Здоровый глаз римпоucha выпучился от ужаса, а лицо его почернело, так как могучие пальцы Конана сдавили ему горло.

Стражники и аристократы засуетились вокруг, вопя в панике, или стояли, застыв от шока и ужаса при виде чужака-гиганта, который посмел совершить насилие над их божеством.

— Пусть кто-то посмеет приблизиться ко мне, и я вышибу дух из этой жирной жабы! — рявкнул Конан.

Из всех мерувийцев в зале один только Великий Шаман не проявил признаков паники или удивления, когда разъяненный юноша взорвался бешеным вихрем. На чистейшем гирканском он спросил:

— Чего ты желаешь, варвар?

— Освободите девушку и чернокожего! Дайте нам лошадей, и мы навсегда покинем вашу проклятую долину. Если вы откажетесь или попытаетесь обмануть нас, я превращу в лепешку вашего крошечного короля!

Шаман кивнул своей черепоподобной головой. Его зеленые глаза на маске из туго

натянутой желтой кожи были холодны как лед. Повелительным жестом он поднял свой резной посох из черного дерева.

— Освободите принцессу Зосару и черного пленника, — спокойно приказал он.

Бледные от страха слуги с перепуганными глазами принялись исполнять его приказание. Джума заворчал, разминая запястья. Рядом с ним дрожала принцесса. Конан подтолкнул вперед жирное тело короля и шагнул вниз с тронного возвышения.

— Конан! — взревел Джума. — Берегись!

Конан обернулся, но слишком поздно. Великий Шаман начал действовать в тот миг, когда Конан был на краю возвышения. Молниеносный, как атакующая кобра, его эбеновый посох взмыл кверху и легко коснулся плеча Конана в том месте, где кожа просвечивала сквозь дыры в изодранной одежде. Конан замер, не добравшись до противника. Бесчувственность сковала его тело, распространившись как яд из змеиных клыков. Его ум затуманился. Голова стала слишком тяжелой и упала на грудь. Он безвольной грудой рухнул на пол. Полузадушенный маленький король вырвался из его хватки.

Последним звуком, который слышал Конан, был громовой рев чернокожего, которого погребла под собой копошащаяся куча коричневых тел.

4. КРОВАВЫЙ КОРАБЛЬ

Сильнее всего были жара и вонь. Мертвый испорченный воздух подземной тюрьмы был застоявшимся, затхлым. Он пропитался вонью множества потных тел, скученных в тесноте. Два десятка нагих людей были втиснуты в эту грязную дыру, которую со всех сторон окружали многотонные каменные блоки.

Среди заключенных было много маленьких коричневокожих мерувийцев, которые вяло и апатично лежали. Была горстка коренастых невысоких воинов с раскосыми глазами из числа тех, кто охранял священную долину — азуэри. Была пара человек горбоносых гирканцев. И там же были Конан Киммериец и его гигантский чернокожий товарищ Джума. Когда посох Великого Шамана вверг Конана в бесчувственность, и стражники одолели могучего Джуму, навалившись на него всем скопом, разъяненный римпоуч распорядился, чтобы они подверглись самому суровому наказанию за свое преступление.

Однако в ШамбALE высшим наказанием была не смерть, которая согласно мерувийской вере лишь освобождала душу для нового воплощения. Худшей участью считалось рабство, ибо оно лишало человека его человеческих прав, его личности. Итак, Конан и Джума были приговорены к рабству.

Думая об этом, Конан издавал глубокое горловое рычание, и его глаза на темном лице горели диким огнем из-под косматой спутанной гривы нестриженых черных волос. Прикованный рядом с ними Джума, чувствуя ярость товарища, ухмыльнулся. Конан сердито уставился на него. Иногда его раздражало непоколебимо хорошее состояние духа Джумы. Для свободолюбивого киммерийца рабство действительно было невыносимым наказанием.

Для кушита же в рабстве не было ничего нового. Охотники за рабами вырвали его ребенком из рук матери и вывезли из знайных джунглей Куша на рынок рабов в Шеме. Некоторое время он был работником на шемитской ферме. Затем, когда развились его огромные мускулы, он был продан как ученик-гладиатор на арены Аргоса.

За победу в играх, которые проводились в честь триумфа короля Аргоса Мило над королем Зингары Фердруго, Джума получил свободу. Некоторое время он жил в разных гиборейских государствах, промышляя воровством и случайными заработками. Затем он перебрался на восток, в Туран, где его могучее телосложение и боевое искусство обеспечили ему место в рядах наемников короля Йилдиза.

Там он и познакомился с юным Конаном. Они с киммерийцем подружились с самого начала. Они вдвоем были самыми высокими среди наемников, и оба происходили из далеких окраинных стран; они были единственными представителями своим рас среди турецев. Теперь их дружба привела их в яму для рабов в ШамбALE, и скоро приведет их к предельному позору рынка рабов. Там они будут стоять нагими на слепящем солнце, их будут щупать и тыкать в них пальцами возможные покупатели, пока распорядитель рынка будет восхвалять их силу.

Дни тянулись медленно — так увечные змеи с трудом волочат свои хвосты по грязи. Конан, Джума и другие засыпали, просыпались, получали деревянные чаши с рисом, от которого основательную долю брали надзиратели. Заключенные проводили дни в тяжелом сне или вялых ссорах.

Конану было интересно узнать побольше о мерувийцах, поскольку во всех своих путешествиях он никогда не встречал таких, как они. Они жили здесь в этой странной долине, как жили их предки с начала времен. Они не общались с внешним миром, и не хотели этого.

Конан подружился с мерувийцем по имени Ташуданг, от которого немного научился их

певучему языку. Когда он спросил, почему они называют своего короля богом, Ташуданг ответил, что король живет уже десять тысяч лет: его дух вновь рождается в новом теле после временного пребывания в предыдущей смертной плоти. Конан отнесся к этому скептически, так как ему были знакомы разные лживые истории, которые распространяли о себе короли других стран. Когда Ташуданг слабо и смирно пожаловался на то, что король и шаманы угнетают их, Конан спросил:

— Почему вы не объединитесь и не утопите всю ораву в Сумеру Тсо, чтобы править самим? Мы в моей стране поступили бы именно так, если бы кто-нибудь попытался тиранить нас.

Ташуданг выглядел потрясенным.

— Ты не знаешь, что говоришь, чужеземец! Много столетий назад, рассказывают жрецы, эта земля была гораздо выше, чем сейчас. Она простиралась от вершин Химелиан до вершин Талакма — одно огромное ровное плато, покрытое снегом, продуваемое ледяными ветрами. Его называли Крыша Мира.

Затем Яма, повелитель демонов, решил создать эту долину, чтобы мы, его избранный народ, смогли обитать здесь. Могучим заклинанием он опустил плато. Земля тряслась с грохотом десяти тысяч громов, расплавленный камень вытекал из трещин в земле, горы крошились и леса горели в огне. Когда все закончилось, земля меж горных цепей выглядела так, как ты ее видишь сейчас. Поскольку она превратилась в долину, климат потепел, и здесь поселились животные и растения из теплых стран. Затем Яма создал первых мерувийцев и поместил их в долину, чтобы они жили здесь вечно. И он избрал шаманов, чтобы они вели и просвещали народ.

Иногда шаманы забывают свои обязанности и угнетают нас, как будто они всего лишь жадные простые люди. Но приказание Ямы слушаться шаманов все равно остается в силе. Если мы нарушим его, великое заклинание Ямы потеряет силу, и эта страна поднимется на высоту горных вершин и снова станет снежной пустыней. Поэтому, как бы они нас не притесняли, мы не смеем восстать против шаманов.

— Ну, — сказал Конан, — если эта маленькая жирная жаба, по-вашему, похожа на бога...

— О нет! — вскричал Ташуданг. Он испуганно сверкнул белками глаз в полумраке. — Не говори таких слов! Он — единородный сын великого бога, самого Ямы. И когда он призывает своего отца, бог приходит!

Ташуданг спрятал лицо в ладонях, и в этот день Конан больше не добился от него ни слова.

Мерувийцы были странной расой. Им был присуща странная вялость духа — дремотный фатализм, который заставлял их склоняться перед всем, что с ними происходило, видя в этом заранее предначертанную волю их жестоких загадочных богов. Они верили, что любое сопротивление судьбе с их стороны будет наказано — если не немедленно, то в следующем воплощении.

Из них нелегко было извлекать информацию, но юный киммериец продолжал заниматься этим. С одной стороны, это помогало коротать бесконечные дни. С другой, он не собирался оставаться в рабстве долго, и любые сведения, которые он мог собрать об этом скрытом королевстве и его странных обитателях, будут полезны, когда они с Джумой попытаются вырваться на свободу. И, наконец, он знал, как важно в путешествии по чужой стране владеть хотя бы начатками местного языка. Хотя по характеру Конан не был склонен к наукам, языки давались ему легко. Он уже отлично владел несколькими, и даже немного мог читать и писать на некоторых из них.

Наконец настал решающий день, когда надзиратели в черных кожаных одеждах появились среди рабов, щелкая тяжелыми бичами и подгоняя своих подопечных к двери.

— Сегодня, — усмехнулся один, — мы увидим, сколько заплатят принцы Священной Земли

за ваши туши, чужеземные свиньи!

И его бич оставил длинный след на спине Конана.

Горячее солнце жгло спину Конана не хуже бича. После столь долгого пребывания в темноте он был ослеплен ярким светом дня. После аукциона рабов его отвели по трапу на палубу большой галеры, которая стояла у длинной каменной набережной Шамбалы. Конан щурился от солнца и бурчал себе под нос ругательства. Вот, значит, какова была судьба, к которой они его приговорили — ворочать веслами, пока смерть не заберет его.

— Спускайтесь вниз, псы! — рявкнул корабельный надсмотрщик и отвесил Конану затрещину. — Только дети Ямы могут находиться на палубе!

Не раздумывая, юный киммериец перешел к действию. Он размахнулся и направил свой могучий кулак в выпирающий живот плотного надсмотрщика. Когда тот со свистом выдохнул воздух, Конан нанес еще один удар своим молотоподобным кулаком, на этот раз в челюсть. Надсмотрщик растянулся на палубе. Позади Конана радостно взвыл Джума и рванулся к другу.

Командир корабельной охраны выкрикнул приказ. В мгновение ока острия дюжины пик, которые держали в руках низкорослые жилистые мерувийские моряки, были направлены на Конана. Киммериец стоял, окруженный ими, и угрожающий рев был готов сорваться с его губ. Но он, хоть и с запозданием, овладел своей яростью, зная, что любое движение означает немедленную смерть.

Чтобы привести в чувство надсмотрщика, потребовалось вылить на него бадью воды. Он с трудом поднялся на ноги, пыхтя как морж. Вода стекала с его распухшего лица на жиденькую черную бородку. Он глянул на Конана с безумным бешенством, которое тут же перешло в ледяной яд.

Офицер начал командовать морякам:

— Прикончить...

Но надсмотрщик прервал его.

— О нет, не убивайте его. Смерть — слишком легкая участь для этого пса. Я еще заставлю его умолять, чтобы положили конец его страданиям, прежде чем я раздеваюсь с ним.

— Так что с ним сделать, Гортангпо? — спросил офицер.

Надсмотрщик уставился на яму, где сидели работающие веслами рабы, и встретил запуганные взгляды сотни с лишним нагих коричневых людей. Они были худыми до истощения, а их спины были сплошь покрыты шрамами от ударов бича. Корабль имел по одному ряду весел с каждого борта. Одними веслами ворочали двое гребцов, другими — трое, в зависимости от роста и силы рабов. Надсмотрщик указал на среднее весло, к которому были прикованы три седых, похожих на скелеты старика.

— Приковать его вон к тому веслу! Те живые трупы больше ни на что не пригодны. Очистите от них весло. Этому чужеземному парню нужно слегка расправить руки, дадим же ему простор. А если он не будет выдерживать темп, я раскрою ему спину до самого позвоночника!

Конан бесстрастно наблюдал, как матросы расстегивают наручники, от которых тянулись цепи к кольцам на весле, приковывая трех стариков. Старики кричали от ужаса, когда матросы перебросили их через борт. Они рухнули в воду с громким плеском и пошли ко дну — бесследно, если не считать пузырьков воздуха, которые струйками поднимались к поверхности и лопались.

Конана приковали к веслу на их место. Он должен был выполнять работу, которую делали трое. Пока его приковывали к грязной скамье, надсмотрщик угрюмо наблюдал за ним.

— Посмотрим, как тебе понравится работать веслом, мой мальчик. Ты будешь грести и грести, пока тебе не станет казаться, что у тебя сломана脊骨 — а потом ты будешь грести еще! И каждый раз, когда ты собьешься с ритма, я напомню тебе о твоем месте — вот так!

Он размахнулся. Бич просвистел в воздухе и опустился на плечи Конана. Боль была как от

прикосновения раскаленного добела железа. Но Конан не вскрикнул и не пошевелил ни одним мускулом. Он вел себя так, словно ничего не почувствовал — столь сильна была сталь его воли.

Надсмотрщик заворчал, и бич свистнул снова. На этот раз один уголок угрюмо сжатого рта Конана дрогнул, но глаза его продолжали невозмутимо смотреть перед собой. Третий удар; четвертый. На лбу киммерийца выступил пот и стал заливать глаза, тогда как по спине его стекала кровь. Но Конан ничем не показал, что ощущает боль.

— Держись! — шепнул позади него Джума.

Затем последовал окрик с палубы: капитан собирался отчаливать. Надсмотрщик неохотно прекратил превращать спину киммерийца в кровавое месиво — занятие, которое доставило ему видимое удовольствие.

Матросы отвязали канаты, которыми корабль был пришвартован к пристани, и оттолкнулись баграми. На корме, на одном уровне со скамьями рабов, в тени шканцев, которые шли по всей длине корабля над головами гребцов, сидел перед огромным барабаном нагой мерувиец. Когда корабль вышел из гавани, он поднял деревянный молот и принялся бить в барабан, задавая темп. С каждым ударом рабы склонялись к веслам, поднимались на ноги, толкая весло, затем откидывались назад, пока собственный вес не усаживал их на скамейку, тогда они толкали весла вниз и вперед. После этого все повторялось снова. Конан вскоре вошел в ритм работы; прикованный позади него Джума тоже.

Никогда прежде Конану не приходилось бывать на корабле. Работая веслом, он бросал вокруг быстрые взгляды. Его окружали рабы с безжизненно потухшими глазами и покрытыми шрамами спинами, которые ворочали весла, сидя на грязных скамьях в чудовищной вони собственных отбросов. Посредине, где находились рабы, галера была низкой, ее борт в этом месте поднимался над водой всего на несколько футов. Он был выше на носу, где располагались спальные места матросов, и на корме, украшенной резьбой и позолотой, где были каюты офицеров. Посредине корабля высилась единственная мачта. Рея единственного треугольного паруса и сам убранный парус лежали на шканцах над ямой для рабов.

Когда корабль покинул гавань, матросы отвязали веревки, которыми парус и рея были привязаны к шканцам, и принялись тянуть за трос, поднимая парус и приговаривая в такт движениям. Рея двигалась вверх рывками, каждый раз на несколько дюймов. Когда она поднялась, полосатый пурпурно-золотой парус развернулся и наполнился ветром с громким хлопающим звуком. В этот момент налетел сильный порыв попутного ветра, и гребцы получили небольшую передышку.

Конан обратил внимание, что вся галера была сделана из дерева, древесина которого либо от природы, либо в результате обработки была темно-красного цвета. Когда он осматривался вокруг, полуоткрыл глаза от солнца, корабль выглядел так, словно его окунули в кровь. Затем над ним вновь просвистел бич, и надсмотрщик прокричал сверху:

— Принимайтесь за работу, ленивые свиньи!

Бич оставил новый след на плечах Конана. Это воистину кровавый корабль, подумал Конан. Корабль, омытый в крови рабов.

5. ПЛУТОВСКАЯ ЛУНА

Семь дней Конан и Джума изнывали под тяжелыми веслами красной галеры, которая держала путь вдоль берегов Сумеру Тсо, останавливаясь каждую ночь в одном из семи священных городов Меру: городах Шондакор, Тхогара, Авзакия, Иссадон, Паллиана, Тхроана и — совершив круг по морю — снова в Шамбале. Хотя они и были чрезвычайно сильны, очень скоро беспрестанная работа изнурила их до предела. Казалось, их ноющие мускулы больше не способны действовать. Но неутомимый барабан и свистящий бич продолжали подгонять их.

Один раз в день матросы зачерпывали бадьями холодную солоноватую воду и окатывали ею измученных рабов. Один раз в день, когда солнце стояло в зените, рабы получали чашу с рисом и ковш с водой. Ночью они спали на тех же скамьях, где работали днем. Отупляющая монотонность тяжелой, нудной работы подтачивала волю и лишала мыслей, превращая гребцов в бездушных животных.

Это могло сломить кого угодно — только не юного киммерийца. Конан не склонялся под непосильной ношей судьбы, как апатичные мерувийцы. Непрерывная работа на веслах, жестокое обращение, унизительная грязь рабской ямы вместо того, чтобы ослабить его волю, служили пищей для его внутреннего огня.

Когда корабль вернулся в Шамбалу и бросил якорь в просторной гавани, Конан достиг пределов своего терпения. Было темно и тихо; новая луна — тонкий серебряный полумесяц — висела низко на западе, освещая все слабым призрачным светом. Скоро она должна была зайти. Такую ночь народы Запада называли ночью плутовской луны, потому что из-за слабого освещения она весьма подходила для разбойников с большой дороги, воров и убийц. Склонившись на весла, Конан и Джума притворялись спящими, а на самом деле обсуждали план побега с рабами-мерувийцами.

На галере ноги рабов не были закованы. Но на руках у каждого были наручники, соединенные цепью, и эта цепь была пропущена через железное кольцо, которое свободно скользило по веслу. Однако его скольжение ограничивалось лопастью весла с одной стороны и полосой свинца, оковывающей весло, с противоположной стороны. Эта полоса, прочно прикрепленная к веслу железным шипом, служила противовесом лопасти весла. Конан сотни раз проверял прочность цепи, наручников и кольца, однако они не поддавались даже его чудовищной силе, закаленной семью днями работы на веслах. Но все равно он грозным шепотом уговаривал товарищей-рабов устроить бунт.

— Если нам удастся стащить Гортангпо к нам вниз, — говорил он, — мы разорвем его на части зубами и ногтями. А у него при себе ключи от наших оков. Пока мы будем освобождаться от наручников, матросы перебьют некоторую часть рабов, но как только мы будем свободны, нас будет пятеро или шестеро на одного...

— Не говори об этом! — прошипел ближайший мерувиец. — Не смей об этом даже думать!

— Ты не хочешь освободиться? — изумленно спросил Конан.

— Нет! От одних только разговоров о таком насилии мои кости превращаются в воду.

— И мои, — сказал другой. — Наши тяготы и страдания предписаны нам богами как наказание за дурные поступки в предыдущей жизни. Противиться им не только бесполезно, но очень грешно. Прошу тебя, варвар, прекратить ужасные речи и смиленно принять свою судьбу.

Такое поведение было противно самому существу Конана. Джума тоже не был человеком, готовым безропотно склониться под ударами рока. Но мерувийцы отказывались их слушать. Даже Ташуданг, обычно болтливый и дружелюбный в отличие от других мерувийцев, умолял Конана не делать ничего, что разъярит надсмотрщика Гортангпо или навлечет на них еще

худшую божественную кару, чем то наказание, которому боги их уже подвергли.

Разговоры Конана были прерваны свистом бича. Разбуженный голосами Гортангпо прокрался по сходням в темноте. Из нескольких подслушанных слов он заключил, что готовится восстание. Его бич взвился в воздух и опустился на плечи Конана.

Терпение Конана лопнуло. Стремительным движением он вскочил на ноги, схватил свободный конец бича и вырвал его из рук Гортангпо. Надсмотрщик закричал, призывая матросов.

У Конана по-прежнему не было способа снять железное кольцо с весла. Отчаяние вдохновило его. Конструкция весла ограничивала вертикальное движение его верхнего конца до высоты меньше пяти футов над палубой, на которой стоял Конан. Он поднял верхний конец весла так высоко, как было можно, взобрался на скамейку, согнулся и подставил плечи под весло. Затем чудовищным толчком мощных длинных ног он выпрямился. Весло сломалось в уключине с громким треском. Конан быстро снял кольцо с поломанного весла. Теперь у него было подходящее оружие: палица девяти футов в длиной с десятифунтовой свинцовой оковкой на конце.

Страшный удар кулака Конана пришелся по голове выпучившего глаза надсмотрщика. Череп треснул, как дыня, забрызгав скамьи мозгами и кровью. Конан выпрыгнул на шканцы, чтобы встретить атаку матросов. Внизу тощие коричневокожие мерувицы скорчились на скамьях, шепча молитвы своим дьяволам-богам. Только Джума последовал примеру Конана — сломал свое весло в уключине и освободил кольцо.

Матrosы тоже были мерувицами — слабыми, ленивыми фаталистами. Им никогда не приходилось противостоять восставшим рабам; они не представляли, что такое вообще может случиться. Меньше всего они ожидали оказаться лицом к лицу с крепким юным гигантом, вооруженным девятифутовой палицей. Тем не менее они приближались довольно храбро, хотя ширина шканцев позволяла им атаковать Конана только по двое.

Конан двинулся вперед, размахивая палицей. Его первый удар сбросил матроса вниз на скамьи со сломанной правой рукой. Второй удар уложил следующего матроса с проломленным черепом. Какой-то матрос попытался ткнуть Конана в грудь пики. Киммериец вышиб пику из его руки, а его следующий удар смел со шканцев вниз сразу двух противников. У одного были расплощены ребра, и он своим телом столкнул второго.

Позади Конана наверх выбрался Джума. Обнаженный торс кушита в неясном лунном свете блестел, словно полированное черное дерево. Его весло обрушилось на приближающихся мерувицев как коса. Матросы, неспособный противостоять двум таким монстрам, не выдержали и бежали, спасаясь, на палубу. Там их офицер, который только что проснулся, выкрикивал какие-то бестолковые команды.

Конан наклонился над телом Гортангпо и обыскал его пояс. Он быстро нашел ключ от всех наручников на корабле и освободил от наручников себя и Джуму.

Запела тетива лука, над головой Конана просвистела стрела и вонзилась в мачту. Два освободившихся раба не стали ждать продолжения схватки. Спрятавшись в темноте, они протолкались мимо скорчившихся гребцов к борту, перепрыгнули через него и исчезли в темных водах гавани Шамбалы. Им вслед полетело несколько стрел, но в слабом свете заходящей молодой луны лучники могли стрелять лишь наугад.

6. ТОННЕЛИ СУДЬБЫ

Два человека выбрались из моря и стали всматриваться во мрак. С их обнаженных тел капала вода. Они плыли, похоже, несколько часов, ища способа проникнуть в Шамбалу незамеченными. Наконец они нашли отверстие для сточных вод в каменной стене древнего города. У Джумы все еще было с собой сломанное весло, которым он сражался с матросами. Конан оставил свое на корабле. Время от времени слабый блик света проникал в тоннель для стока вод из забранного решеткой отверстия в городской мостовой над ними, но свет был таким слабым — тонкий серп луны уже скрылся за горизонтом — что темнота в тоннеле оставалась непроницаемой. Итак, в почти кромешной темноте двое друзей пробирались по грязной воде в поисках выхода из этих подземелий.

Огромные крысы с визгом убегали от них, когда они шли так по каменным коридорам под улицами города. Во тьме огоньками светились глаза крыс. Одна из тварей цапнула Конана за щиколотку, но он схватил ее, раздавил в руках и швырнул труп ее более осторожным собратьям. Они тотчас устроили драку, визжа над добычей. Конан и Джума прибавили шаг, двигаясь вперед по тоннелям, которые изгибались и ветвились.

Секретный проход обнаружил Джума. Скользя одной рукой по сырой стене, он случайно зацепил потайной замок, и изумленно фыркнул, когда часть стены подалась под его пальцами. Хотя ни он, ни Конан не знали, куда ведет проход, они направились туда, так как он вел наверх. Они долго взирались по нему и наконец вышли к еще одной двери. Им пришлось долго шарить ощущью во тьме, пока Конан не нашел засов и не отодвинул его. Дверь под нажатием открылась со скрипом сухих петель, два беглеца переступили порог и застыли.

Они стояли на богато украшенном балконе, битком набитом статуями богов или демонов. Балкон находился в огромном восьмиугольном храме. Высокие стены храма выше балкона закруглялись внутрь и смыкались, образуя восьмигранный купол. Конан вспомнил, что видел этот купол возвышающимся над домами города, но он тогда не задавался вопросом, что находится внутри.

Внизу, у одной из восьми стен, огромная статуя стояла на постаменте из черного мрамора лицом к алтарю, расположенному точно в центре помещения. По сравнению со статуей все остальное в храме казалось крошечным. Статуя возвышалась на тридцать футов. Балкон, на котором стояли Конан и Джума, находился на уровне пояса фигуры. Это был гигантский идол из зеленого камня, который был похож на нефрит — хотя никогда люди не находили настоящий нефрит такой огромной массой. У него было шесть рук. Глазами на хмуром лице служили невероятной величины рубины.

Напротив статуи на противоположной стороне храма стоял трон из черепов, такой же, как Конан видел в тронном зале дворца в день прибытия в Шамбалу, только меньших размеров. Жабообразный маленький бог-король Меру восседал на троне. Когда Конан перевел взгляд с головы идола на голову правителя, ему показалось, что он уловил чудовищный намек на сходство между ними. Он вздрогнул, и кожа его покрылась мурашками от смутного ощущения космических тайн, которые скрываются за этим сходством.

Римпоуч участвовал в церемонии. Шаманы в алых робах рядами стояли на коленях вокруг трона и алтаря, распевая древние молитвы и заклинания. Позади них, вдоль стен храма, несколькими рядами сидели, скрестив ноги, на мраморном полу, другие мерувийцы. Судя по богатству их драгоценностей и богато украшенным, хотя и скучным, одеяниям, это были высшие чины и аристократы королевства. Над их головами мерцали и коптили сотни факелов,

закрепленных в кольцах, вделанных в стену вокруг балкона. На полу помещения, расставленные квадратом вокруг центрального алтаря, стояли светильники — масляные лампы на подставках, горящие богатым золотым пламенем. Четыре огня трепетали и сыпали брызгами.

На алтаре между троном и колоссом лежало нагое гибкое белое тело юной девушки, привязанное к алтарю тонкими золотыми цепями. Это была Зосара.

Низкое ворчание родилось в горле Конана. Его горящие глаза засверкали голубым огнем, когда он увидел ненавистных ему короля Джалунга Тонгпа и Великого Шамана, колдуна-жреца Танзонга Тенгри.

— Возьмем их, Конан? — шепнул Джума, показав белые зубы в озаренной бликами полутьме. Киммериец утвердительно заворчал.

Это был праздник новолуния, и бог-король венчался с дочерью короля Турана на алтаре перед многорукой статуей Великого Пса Смерти и Ужаса, Демона-Короля Ямы. Церемония происходила согласно древним ритуалам, предписанным в священных текстах Книги Бога Смерти. Безмятежно предвкушая завершение брака со стройной длинноногой туранкой, божественный монарх Меру развалился на троне из черепов. Закутанные в алые одежды шаманы бормотали древние молитвы.

И тут церемония была прервана. Два нагих гиганта свалились непонятно откуда на пол храма: один — ожившая бронзовая статуя героя, второй — могучий и грозный воин, чье мощное тело казалось вырезанным из черного дерева. Шаманы застыли, оборвав песнопения, когда эти два завывающих дьявола ворвались в их ряды.

Конан схватил один из светильников и бросил его в толпу шаманов. Они бросились врассыпную, вопя от боли и ужаса, когда загорелась тонкая ткань их одежд, и они превратились в живые факелы. Три оставшихся светильника быстро последовали за первым, сея огонь и замешательство повсюду в храме.

Джума рванулся к возвышению, где сидел король, с ужасом и изумлением взирая на все происходящее своим здоровым глазом. Тощий Великий Шаман встретил Джуму на мраморных ступенях, занеся для удара магический посох. Но у черного гиганта в руках все еще было сломанное весло, и он ударил им, вложив в удар всю свою страшную силу. Эбеновый посох разлетелся на сто кусков. Второй удар настиг колдуна-жреца и отбросил его, скорченного, умирающего, в хаос шарахающихся, визжащих, пылающих шаманов.

Затем пришла очередь короля Джалунга Тонгпа. Ухмыляясь, Джума поднялся по ступенькам к перепуганному маленькому богу-королю. Но Джалунга Тонгпа уже не было на троне. Он стоял на коленях перед статуей, воздев руки и распевая молитву.

В то же время Конан добрался до алтаря и склонился над смертельно испуганной нагой девушкой, которая извивалась, пытаясь освободиться. Легкие золотые цепи были достаточно крепки, чтобы удержать ее, но они не могли противостоять силе Конана. С ворчанием он уперся ногами в пол и принялся за одну цепь. Звено мягкого металла растянулось, открылось и соскочило. Затем последовали остальные три цепи, и Конан обнял всхлипывающую принцессу. Он повернулся... Но тут на него упала тень.

Он изумленно глянул вверх и вспомнил слова Ташуданга: «Когда он призывает своего отца, бог приходит!»

Теперь он понял всю глубину ужаса, который скрывался за этими словами. Ибо, возвышаясь над ним в освещенном факелами полумраке, гигантский идол из зеленого камня шевелил руками. Алые рубины, которые служили ему глазами, смотрели вниз, на Конана, и в них светился разум.

7. ПРОБУЖДЕНИЕ ЗЕЛЕНОГО БОГА

Волосы встали дыбом у Конана на загривке, и он почувствовал, как кровь в его жилах обратилась в лед. Со стоном Зосара спрятала лицо у него на груди и обхватила его за шею. На черном возвышении, на котором стоял трон из черепов, Джума тоже замер, сверкая белками глаз. Суеверные ужасы его обитавших в джунглях предков поднялись в нем.

Статуя ожидала.

Неспособные шевельнуться, они смотрели, как статуя из зеленого камня медленно, со скрипом подняла одну гигантскую ногу. С высоты тридцати футов на них злобно уставилось огромное лицо. Шесть рук задвигались резко, толчками, сгинаясь как лапы чудовищного паука. Статуя накренилась, перемещая свой колоссальный вес. Одна огромная ступня опустилась на алтарь, на котором только что лежала Зосара. Каменный блок треснул и раскрошился в пыль под тоннами ожившего зеленого камня.

— Кром! — выдохнул Конан. — В этом безумном месте даже камень оживает и двигается! Уходим, девочка...

С Зосарой на руках он спрыгнул с возвышения на пол храма. У него за спиной раздался зловещий звук скрежета камня о камень. Статуя двигалась.

— Джума! — заорал Конан, дико оглядываясь в поисках кушита. Чернокожий все еще оставался неподвижен, скрючившись у трона. На троне крошечный бог-король указывал жирной, уизанной драгоценностями рукой на Конана и девушку.

— Убей, Яма! Убей, убей, убей! — верещал он.

Многорукий колосс остановился и принял всматриваться в темноту глазами-рубинами, пока не увидел Конана. Киммериец почти обезумел от первобытных ночных страхов своего варварского племени. Но, как это бывает со многими варварами, страх толкнул его в бой с тем, что вызвало этот ужас. Он опустил девушку на пол и оторвал от пола мраморную скамейку. Мускулы его чуть не лопались от напряжения, но Конан зашагал навстречу возвышающемуся над ним чудовищу.

— Нет, Конан! — завопил Джума. — Прочь! Он видит тебя!

Конан уже был рядом с чудовищной ступней шагающего идола. Каменные ноги уходили вверх, как колонны огромного храма. С искаженным от усилий лицом Конан поднял над головой тяжелую скамью и бросил ее в ногу статуи. Она ударила о каменную щиколотку колосса. Удар был чудовищен. От мраморной скамьи во все стороны полетели куски, поднялось облако каменной пыли и крошева. Конан шагнул еще ближе, снова поднял скамейку и швырнул ее в ногу гиганта. На этот раз скамья разлетелась на множество кусков. Но нога статуи была лишь вышешиблена, а не повреждена серьезно. Конан отпрянул, когда колосс сделал еще один могучий шаг к нему.

— Конан! Берегись!

Вопль Джумы заставил его взглянуть вверх. Зеленый гигант наклонился. Конан заглянул в рубиновые глаза. Как странно смотреть в живые глаза бога! Они были бездонно глубоки. Взор Конана погрузился в их скрытые тенями глубины и тонул, тонул бесконечно — красные миллионолетия времени, лишенного мысли. А в самой глубине этих кристаллических бездн таилось холодное нечеловеческое зло. Взгляд Конана встретился с взглядом бога, и юный киммериец почувствовал, как ледяное оцепенение сковывает его. Он не мог ни шевельнуться, ни подумать...

Джума, завывающий от первобытного ужаса и ярости, распрямился как пружина. Он видел, как колосс тянет каменные руки к киммерийцу, который стоял неподвижно, словно

погруженный в транс. Еще один шаг — и Яма раздавит парализованного воина.

Чернокожий был слишком далеко от них, чтобы вмешаться, но его отчаянная ярость требовала выхода. Не раздумывая, что делает, он схватил бога-короля, который тщетно завизжал и задергался, и швырнул Джалунга Тонгпа в его адского родителя.

Король пролетел по воздуху и приземлился на мраморные плиты перед идолом. Оглушенный падением маленький монарх дико озирался вокруг своим здоровым глазом. Затем он испустил чудовищный вопль, когда ступня титана накрыла его.

Треск ломающихся костей отдался эхом в звенящей тишине. Нога бога скользнула по полу, оставляя широкий кровавый след. Согнувшись в поясе, гигант нагнулся и потянулся к Конану, но вдруг замер.

Руки из зеленого камня с растопыренными пальцами остановились, не окончив движения. Багровый огонь, горевший в рубиновых глазах, погас. Огромное многорукое тело с дьявольской головой, которое еще мгновение назад жило и двигалось, снова обратилось в неподвижный камень.

Быть может, смерть короля, который вызвал этот адский дух из ночного мрака неведомых миров, прекратила действие заклинания, которое удерживало Яму в идоле. Или, быть может, смерть короля освободила волю дьявола-бога от власти его земного родственника. Какова бы ни была причина, в тот миг, когда Джалунг Тонгпа превратился в кровавое месиво, статуя вновь стала неподвижным камнем, лишенным жизни.

Чары, которые сковывали ум Конана, тоже исчезли. Юноша тряхнул головой, проясняя мысли. Он осмотрелся. Первым, что ему пришлось осознать, была принцесса Зосара, которая бросилась ему в объятия, истерически рыдая. Когда Конан сомкнул вокруг нее бронзовые руки и почувствовал легкое прикосновение ее черных шелковистых волос, в его глазах зажегся новый огонь, и он рассмеялся глубоким гортанным смехом.

Джума бежал к ним через весь храм.

— Конан! Все мертвые или бежали! В загоне позади храма должны найтись лошади. У нас есть шанс покинуть это проклятое место!

— О да! Клянусь Кромом, я буду рад отряхнуть с ног пыль этой дьявольской страны, — проворчал киммериец, сдирая одеяние с мертвого тела Великого Шамана и закутывая в него нагую принцессу. Он подхватил ее на руки и понес, чувствуя тепло и нежность гибкого юного тела, прижавшегося к нему.

Через час они уже далеко обогнали возможную погоню. Они остановили лошадей и стали высматривать, куда повернуть на развилке дорог. Конан посмотрел вверх, на звезды, поразмыслил и махнул рукой:

— Туда!

Джума поднял бровь.

— На север?

— Ну да, в Гирканию. — Конан рассмеялся. — Ты что, забыл, что мы должны еще доставить эту девушку к ее жениху?

Лицо Джумы выразило еще большее удивление, чем прежде. Он видел, как Зосара обвила шею его товарища тонкими белыми руками, с какой радостью она склонила голову ему на плечо. К ее жениху? Джума покачал головой. Ему никогда не понять киммерийцев. Но он последовал за Конаном и повернул лошадь к Горам Талакма, которые возвышались стеной, отделяющей колдовскую страну Меру от ветреных степей Гиркании.

Через месяц они прибыли в лагерь Куджалы, Великого Хана кочевников-куйгаров. Они выглядели совсем иначе, чем когда выезжали из Шамбалы. В деревнях на южных склонах Гор

Талакма они обменяли звенья золотых цепей, которые оставались на запястьях и щиколотках Зосары, на одежду, подходящую для перехода через снежные горные перевалы и ветреные степи. На них были шапки, плащи из овечьих шкур, штаны из грубой шерсти и крепкие сапоги.

Когда они предъявили Зосару ее чернобородому жениху, хан приказал воздать им почести и наградить их. После пиршества, которое длилось несколько дней, он отправил их обратно в Туран с золотыми дарами.

Отъехав на порядочное расстояние от лагеря хана Куджалы, Джума заметил:

— Хорошая была девушка. Не понимаю, почему ты не оставил ее себе. И ты ей нравился. Конан ухмыльнулся.

— Верно, нравился. Но я еще не собираюсь бросить походную жизнь и осесть на месте. А Зосара будет гораздо счастливее среди драгоценных камней и мягких подушек Куджалы, чем разъезжая со мной по степям. В степи палит солнце, свирепствуют морозы, могут напасть волки — да и люди, что гораздо хуже. — Он хмыкнул. — Кроме того, хотя Великий Хан этого еще не знает, у него скоро появится наследник.

— А ты откуда знаешь?

— Зосара сказала мне перед расставанием.

Джума усмехнулся и пробормотал что-то на своем родном языке.

— Никогда впредь не стану недооценивать киммерийцев!